

Алексей Комеч, директор Государственного института искусствознания, руководитель проекта «Новая всеобщая история русского искусства»

1. С какой традицией русской культуры вы себя отождествляете?

Мне очень трудно ответить на этот вопрос. Если учесть, что я после окончания института специализировался на культуре и искусстве 18-го века, особенно на дворянских усадьбах, то моя любовь к этому времени несомненна. Если я потом уже 40 лет занимаюсь древнерусской архитектурой, то естественно, что для меня традиции Домонгольской Руси необычайно важны, и особенно потому, что тогда Русь была мощным и независимым славянским государством. И люди тогда были совсем другие: я бы сказал, что мощь и достоинство людей 11-го – 12-го веков, как они запечатлелись в памятниках письменности, литературы, архитектуры, – это далекая мечта для последующего развития России. Лет 20 я работал в секторе свода памятников нашего института и объездил всю страну, всякие глухие углы, где в основном сохранились памятники 17-го – 18-го веков, и я знаю, как они прекрасны. Мне очень трудно исключить какой-то период из истории русской культуры. Я потрясен и искусством начала 20-го века – это, конечно, не оригинально, но неизбежно. Единственное, что всегда вызывало у меня душевную тоску и зубную боль, искусство – изобразительное искусство и архитектура – середины или, точнее, второй трети 19-го века, часто бесстилевое, где довлеет идея либо «салона» либо «благородного служения».

- Но это только в изобразительных искусствах, не в литературе или музыке, не правда ли?

Конечно, там совсем другое дело.

2. Какую эпоху русской культуры вы считаете вершинной и почему? Может быть, столь любимый вами домонгольский период?

Как-то странно считать вершиной начало.

- Отчего же, есть такой музыковедческий термин «вершина-источник»...

Конечно, принесенная нам тогда византийская традиция была вершиной мировой культуры. Наши первые памятники необычайно высоки по уровню. Но вообще вершин много. В живописи без искусства 15-го века никак не обойтись. В архитектуре 16-й век никуда не отставишь, в 18-м веке Петергоф никуда не выбросишь. В музыке – 19-й век, затем все искусство начала 20-го века... За исключе-

нием трудных веков, где есть отдельные выдающиеся памятники, а общее движение только поднимается, – все ценно. Трудно ответить однозначно, какая эпоха вершинная.

3. Как сказалоь на развитии русской культуры завершение советского периода истории России?

Неоднозначно – это ясно. В старую эпоху искусство входило в сферу государственно важных проблем и контролировалось – более или менее жестко, но также поддерживалось. Товарищ Сталин много ходил в театры, в оперу, в концерты. Он читал выходявшие книги, смотрел кинофильмы. Искусство было нужно как мощный инструмент воздействия, и Сталин это хорошо понимал. Новая эпоха объявила, что государство и искусство живут врозь, и государство на некоторое время забросило культуру до недопустимого уровня. Правда, это сопровождалось такими замечательными вещами, как отсутствие цензуры, свобода выражения, свобода контактов, выход на мировую арену. Сейчас государство стало несколько внимательнее к культуре, но, к сожалению, до сих пор не смогло создать необходимую правовую сферу для работы деятелей культуры. Проблемы мастерских для художников, проблемы поддержки молодежи, пенсионного обеспечения, налоговых льгот – всего не перечислишь. Не создано правовое пространство, не найдены формы правовой поддержки деятелей искусства, и потому слишком велика эмиграция на Запад, что, возможно, повышает уровень тамошней научной и художественной жизни. Люди, разумеется, имеют право выбирать место, где им жить будет легче, лучше, чем они живут здесь. С точки зрения выдающихся явлений мы стали скуднее во всех областях искусства по сравнению с 60-ми – 80-ми годами. Нет фигур масштаба раннего Солженицына, Бродского, Шнитке. Но количество ищущих людей резко выросло, появилось множество индивидуальных и, так сказать, мало-коллективных поисков, что очень обнадеживает. Есть и цветущая сфера – это театр, где происходят удивительные явления, получающие общественное признание.

4. Ощущаются ли изменения в культурной ситуации в связи с приходом нового лидера?

Я бы сказал, трудно оценивать изнутри эпоху, в которой живешь. Художественная ситуация, пожалуй, не изменилась, но изменилась ситуация духовная, идейная – стало больше сервизма, опасливости, осторожности. У деятелей искусства это особенно заметно, поскольку, когда они выступают публично, то начинают уходить от ответов на прямые вопросы или сразу соглашаться с тем, что им пред-

лагает власть. Это общее и опасное явление. Оно часто рождается из внутреннего страха, у деятелей культуры – из желания сохранить, закрепить достигнутое положение. Вспомним Дмитрия Сергеевича Лихачева, который был вознесен на самые высокие вершины, находился в зените славы. Он не был оппозиционером: власть им украшалась, и он это терпел. Но никогда не заискивал перед властью. Позиция такой тихой независимости не является сейчас идеалом для нашего общества в целом. Непосредственно на творчество общественное фарисейство пока влияния не оказывает, но если изменения зарождаются в душах, они имеют шанс сказаться на творчестве. Пока – нет, пока все происходит на уровне общественной демагогии.

5. Восстанавливается ли по вашему мнению государственная опека культуры и нужна ли она?

Она должна иметь строго очерченные формы. Есть несколько направлений. Первое: урегулирование вопросов авторского права и всего с ними связанного. Второе: устройство быта деятелей культуры. Например, в Москве можно было бы построить за счет государства дом с мастерскими для художников и скульпторов, сдавать их по льготным ценам. Надо восстановить дома творчества, развивать систему грантов, заказов. Но главное, разобраться с вопросами законодательства. Например, сейчас художник не всегда волен распорядиться своими работами, например, вывезти их за рубеж. Здесь много неотрегулированных проблем. Очень важное направление – налоговая политика. Есть искусства, в которых большие материальные затраты являются неотъемлемой частью творческого процесса. Из-под налогообложения должны быть выведены такие позиции, как краски, холсты, мрамор, покупка книг по специальности и прочее. Создание правовых условий важнее даже, чем прямые ассигнования государства. Необходимо создать независимо функционирующую среду, поощряющую художников. А госзаказ может быть в виде открытых конкурсов или целевых проектов помощи молодежи и самому старшему поколению.

- То есть только материальное попечительство государства, а не идеологическое...

От последнего упаси Бог. Искусство – зеркало, и хуже нет, когда оно становится оружием.

6. Как соотносятся понятия «элитарность» и «народность» в новую эпоху?

Когда спрашивают мнение народа по какой-то проблеме физики, к кому обращаются? Конечно, к ученым-физикам, которые в данном случае представляют мнение народа. Им народ поручил это, они за это отвечают перед народом. Если культура элитарная, то это элитарная культура данного народа. Народ должен ее породить, она – его достояние, так же как повседневная массовая культура. Народ, лишенный элитарной культуры, – это быдло. Народ должен бережно относиться к элите, а элита должна понимать, что она плоть от плоти своего народа.

- Такие отношения можно признать идеальными для любой эпохи. А наша в этом смысле имеет свою специфику?

У нас плохо с элитой. Нет фигур высшего уровня. Стало много механической культуры. С массовой культурой – у нас порядок. Она налицо в любом количестве и качестве. Элитарное должно больше поощряться государством, иначе разрушаются труппы и оркестры, уезжают художники. Когда нет больших высот, это очень сказывается на общем ощущении жизни. Борьба с коммунизмом, оппозиционность повышали статус творческой личности. Сейчас дело обстоит иначе.

7. Понимаете ли вы свою деятельность как служение и в каком смысле?

Какую деятельность? Если научную – то никогда не понимал ее как служение, потому что это одно удовольствие. Свою деятельность по охране памятников я воспринимаю как то, что должен делать для пользы общества, пожалуй, действительно служа чему-то. Директорство в институте – конечно, служение, отнюдь не удовольствие. Есть такая старая шутка: «наука есть способ удовлетворения собственного любопытства за счет государства».

8. Какое влияние оказывает на русскую культуру процесс глобализации мирового пространства?

С точки зрения научной деятельности – влияние в общем положительное, хотя как раз здесь глобализации нам не хватает. По экономическим причинам мы отрезаны от многих источников информации – состояние наших библиотек ужасающее. В зарубежных поездках я не читаю, я бесконечно делаю ксероксы и отправляю по почте десятки килограммов отысканной научной литературы. Мы в институте получаем проспекты мировых издательств – и глотаем слюнки. Интернет не может заменить книги и журналы, он только информация о том, что происходит в мире. Без крупнейших научных журналов наука невозможна. Позже

появляются монографии, но открытия обычно делаются в статьях и докладах. Про свою область – византистику – могу сказать, что нам более или менее оперативно доступна едва ли десятая часть нужной информации.

- Но это материальный аспект. А в аспекте сознания?

Мне трудно об этом судить. Я учился у Виктора Никитича Лазарева. Он жил в контакте со всем миром, мы росли на его библиотеке и никогда не чувствовали себя отрезанными от ученых других стран. Мы мало ездили, но про византийское и древнерусское искусство знали все, что нам нужно. Существовал такой удивительный заповедник. Поэтому никаких кардинальных перемен в новую эпоху я не почувствовал, только зарубежных журналов стало меньше в общественных библиотеках. Что касается других сфер, например, русского искусства 19-го и 20-го веков – для занимающихся этими сферами, думаю, стало открытием, что мы одно целое с Европой. Занимавшиеся передвижничеством обнаружили, что те же явления были в других европейских культурах.

- Те же бурлаки, только не на Волге, а на Рейне.

Вот-вот. Есть еще один – плохой – оттенок глобализации. Это когда в искусстве начинает возникать мировой стиль, уничтожающий своеобразие отдельных культур. Это очень заметно в архитектуре, в Москве полно домов, которые могут стоять где угодно, в любом городе мира. Это плохой путь, когда художественная и духовная жизнь освобождается от понятий исторически-национального генофонда и колорита. Неинтересно, когда все есть всюду.

- Мировая деревня...

В европейской цивилизации, насколько я знаю, разворачивается сейчас движение за сохранение национального своеобразия. У нас пока таких противовесов недостаточно. Всякие наши крики о народности часто выливаются в какое-то уродство. Я не знаю, как сейчас поддерживаются народные коллективы, но у нас и в советскую эпоху здесь было полно показухи, а подлинное поддерживалось мало. Сейчас, может быть, баланс лучше, но я мало знаю об этом.

9. Сложились ли в России новые взаимоотношения церкви и государства и как это сказывается на русской культуре?

Конечно, сложились, и такие, каких никогда не бывало. Начиная с петровской эпохи, государство в общем являлось хозяином церкви. В уваровском лозунге «самодержавие, православие, народность» самодержавие стояло на первом месте. Меня больше всего не устраивает теневой характер отношений между церковью и государством, отсутствие прозрачности. Экономическая деятельность

церкви, наглухо закрытая для обозрения, политическая ее деятельность во время избирательных кампаний, демонстративное присутствие на богослужениях государственных деятелей... Государство боится церкви как силы, воздействующей на общественное сознание. Вот сейчас религиозное образование вводится в рамках региональной системы – и непонятно, обязательное оно будет или факультативное, его введение зависит от мнения того или иного губернатора. Говорится, что преподавать будут светские люди, но нельзя быть уверенным, что они не будут из недр церкви.

- По-моему речь идет о преподавании не Закона Божиего, а истории религий...
Да, но интересно, например, что будет в Казани...

- У нас слишком мало людей, которые могут грамотно вести подобный предмет.

И кто будет решать, должен ли ребенок ходить на этот урок: преподаватели, родители, школа в целом? Кажется, родители. Но все это не обсуждено как следует обществом. Очень сложно обстоит дело в области охраны церковных архитектурных памятников. Широко известно, что судебные органы сейчас не примут иск против церковной организации, изуродовавшей тот или иной памятник. Скажем, в Спасо-Яковлевском монастыре в Ярославле настоятель из лучших чувств практически уничтожил иконостас 17-го – 18-го веков, заменив новым. Здесь много проблем, которые будут долго и трудно решаться. Некоторые иерархи часто не понимают, что их поведение видится со стороны как поиск имущественных выгод. Это убивает уважение общества к церкви. У нас плохо развивается приходская жизнь – а ведь это основа церкви, многие приходы плохо обеспечены даже в Москве, не говоря уж о всей России.

- Есть ли у нас новое религиозное искусство?

Есть. Строится много новых храмов, для них пишется много новых изображений. Однако в основном это искусство подражательное, консервативно настроенное на определенные образцы. Стиль начала 16-го века канонизирован как общая норма, и когда нечто живое пробивается через него, это нередко вызывает недовольствие. Новое церковное искусство не поощряется. Правда, Наталья Нестерова получила Государственную премию за свою «Тайную вечерю» – это отличное искусство на религиозную тему, но не церковное. Если не допустить субъективной, индивидуальной интерпретации молитвенных образов и настроений, церковное искусство будет обречено на повторение заданных образцов. На Западе работы Шагала в храмах смотрятся прекрасно, у нас же такое сейчас невозможно.

10. Является ли завершение постсоветской эпохи завершением определенного этапа в развитии русской культуры и можно ли говорить о новых тенденциях?

Определенного этапа – конечно. Все изменилось, вся ситуация. Даже люди другой эпохи, те, кто сейчас доживают свой век, сильно изменились, в том числе самые крупные деятели. Что-то сильно кончилось, но слабо началось, во всяком случае пока плохо видно.